

Протопр. Виталий Боровой

Святитель Филарет Московский и духовное просвещение России

*Речь на актовом дне Свято-Филаретовского института
2 декабря 1995 года*

Когда я стал писать о святителе Филарете Московском, то вначале подумал: а что здесь писать? Десятилетиями в Московской духовной академии каждый год проходили Филаретовские чтения, о нем писали бесчисленные статьи и т. п. Просто взять эти готовые материалы?.. Я историк. Что касается богословия — я не доктор, а фельдшер, но что касается истории — я все-таки настоящий историк по подготовке. Когда я стал писать про свт. Филарета, я увидел, что святитель был больше чем осторожен в словах. Вот и я решил так же — быть осторожным в словах. Свт. Филарет ничего не говорил, а только писал — таким было его время, и я решил тоже написать, и решил писать не совсем на ту тему, о которой меня просили. Я решил, что я обязан пред моим народом, пред моей церковью, сейчас — пред вами, раскрыть эту тему не как историческую. Я буду говорить о заветах свт. Филарета в деле духовного просвещения в настоящее время. Сейчас перед церковью стоят большие задачи восстановления нормальной церковной жизни и христианского духовного просвещения нашего народа. Фактически речь идет о повторной, настоящей христианизации нашей страны.

Мы живем в трудное время. В очень по-своему трудное время жил и митрополит Филарет. И я хочу обратить ваше внимание на то, что русский народ — в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей — это сказал Бердяев [1, с. 4]. И в этих противоположностях ему невозможно дать строго научное определение. Тютчев, помните, сказал, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить». Это так и сейчас. Вся история нашего народа тесно и взаимно связана с исто-

рией Русской церкви, и вся она наполнена противоречиями. Эти противоречия похожи на тезисы и антитезисы, и в столкновениях этих тезисов и антитезисов — иногда жестоких, кровавых — выработывался потом какой-то новый синтез, импульс для нового развития нашего народа, России и нашей церкви.

Говоря о свт. Филарете, надо начать с тех противоречий, которые особенно обострились и проявились в петербургский, синодальный период нашей истории и завершились революцией 1917–18 года. И надо сказать прямо, это очень важно: тогдашние противоречия тяжело сказываются в жизни нашей церкви и нашего народа и в настоящее время, мы почти повторяем эти противоречия. Они были связаны с реформами Петра Великого и их последствиями. Фактически вся жизнь Русской церкви и русского народа была сдвинута с ее вековых основ и насильно повернута в сторону Запада. Немецкие богословы, которые жили у нас, писали, что православие легко объединяется с лютеранством. Почему? Потому что это шло сверху. В результате реформ и их последствий наступило фактически «вавилонское пленение» нашей церкви. Церковь стала «ведомством православного исповедания», была «взята в казну». Теоретически церковь управлял император, который даже в актах государства назывался главою церкви, а фактически — его ставленник, обер-прокурор Святейшего синода. Святейший синод, (вначале «Коллегиум духовное») был организован стопроцентно по типу лютеранских консисторий того времени. Но свт. Филарет правильно сказал, что благодать Божия через некоторое время помогла этой протестантской немецкой коллегии превратиться в Святейший правительствующий синод Русской православной церкви. Однако давление и надзор государственной власти, контроль обер-прокурора продолжались до революции. Потом они превратились в другое давление, худшего, качества — атеистическое, советское, но юридически это было тоже самое: и там, и там церковь управляли.

Противоречия петровского времени, которые потом влияли на филаретовское время, состояли не только в реформе церкви и церковного управления, они состояли еще и в том, что церковь вынуждена была ориентироваться на государство. Петр и его ближайшие преемники ориентировали церковь на влияние немецкое, протестантское. И поэтому внизу церковь была православной, а наверху было это давление. Начиная с Екатерины Великой и далее — Павел, Александр I — влияние было уже другое, католическое, причем в невероятно уродливых формах. В

учебниках нашей истории об этом стыдливо молчат, только упоминают, что Екатерина спасла иезуитов. Это правда, но это бы ничего. А о том, что Павел совершенно официально (документы сохранились в архивах, только не наших) хотел и готовился подчинить Русскую церковь Риму и что Александр под конец своей жизни тоже об этом думал — об этом у нас молчат. И эти два влияния — немецкое протестантское, а потом католическое — боролись между собой за власть над умами русских людей и за подчинение себе нашей церкви.

Но особенно страшно было другое — народ-то был православным, и твердо православным (какое это было православие — другой вопрос, но это было твердое, настоящее православие), а наша аристократия — дворянское, помещичье сословие — ринулась получать образование на Запад. И это должно быть упреком нашей церкви — в России негде было получать образование, и получали его в Польше, в Италии, в Германии, во Франции — где угодно. И оттуда люди являлись прозападно настроенными, с презрением к своей церкви, к полуграмотным или неграмотным попам, как они говорили, и к своему народу, трудами и кровью которого они жили. А еще хуже было то, что в это время тьматьмушая всевозможных учителей, гувернеров и гувернанток ринулись изо всех стран Европы сюда, и наша знать, наши помещики, наша интеллигенция нанимала их воспитывать и учить своих детей. Эти пришельцы, которые приезжали сюда, чтобы подзаработать (как мы сейчас рвемся туда подзаработать) воспитывали наше новое поколение в преклонении перед Западом, перед протестантством или католичеством, перед их культурой — и в презрении к своей. И никого не интересовало, в каком направлении они воспитывают детей, они имели полную свободу, открывали гимназии, лицеи, были директорами и директрисами, и воспитывали таких Иванушек, как в «Бригадире» Фонвизина. Помните? — «Тело мое родилось в России, но дух мой принадлежит короне французской». Помните московского профессора В.С. Печерина? — это только один из тысячи примеров. Отец — православный, офицер, мать — полька, католичка, гувернер — швейцарец, католик. Этот гувернер воспитал Печерина в таком преклонении пред Западом, что когда тот стал блестящим профессором Московского университета — это был блестящий ум, — он ненавидел все вокруг. Сохранились его воспоминания и письма, где он говорил об этом, что он ненавидит все, что вокруг него. Он писал:

Я не раз простирал руки к заходящему солнцу, молился к нему: «Возьми меня с собой! туда, туда, на запад!»

И он убежал на Запад, стал католиком и умер католическим монахом. Я привел классические примеры, их можно привести тысячи, но, повторяю, важно другое: что государство в то время не смотрело, как и в каком направлении воспитывались дети высших сословий. А эти дети действительно не имели где получить высшее образование. Приглашаю вас подумать о том, что мы сейчас делаем в этой области, что делает наше нынешнее государство и что наша церковь сейчас должна делать, чтобы дети получали образование не только в Америке или в Англии.

Это тот исторический фон, на котором развивалось все, что было связано со святителем Филаретом. При Александре I на смену протестантскому немецкому и католическому пришло другое. В Россию хлынули всевозможные течения мистицизма, католического и протестантского, квиетические настроения, масонство и так называемое «внутреннее христианство», которое воспитывало в людях представление, что обряды — это просто внешняя одежда, которую надо сбросить, чтобы дойти до внутреннего. А «внешняя одежда» — это православная церковь. И о ней писали с презрением, что суеверное греко-православное исповедание надо отодвинуть, чтобы дойти до подлинного внутреннего христианства.

В связи с распространением этого мистицизма появилась необходимость действительно какого-то образования. И Александр I со своими ближайшими сподвижниками — графом М.М. Сперанским и князем А.Н. Голицыным (в то время министром «сугубого», двойного Министерства — духовных дел и народного просвещения) задумали благое дело. Они задумали дать людям в руки Священное писание. В связи с этим начинается история Библейского общества и двойного министерства князя Голицына, с которыми тесно была связана в дальнейшем деятельность свт. Филарета. Когда в России открылось Библейское общество (а президентом Общества стал князь Голицын), то под покровительством Александра оно быстро превратилось в особое ведомство руководящих и ответственных лиц из правительственных кругов (как и сейчас: стоит только правительству куда-то повернуться, как все чиновники в этом направлении бегут участвовать). И в результате в России появилась масса западных мистиков и пропагандистов, связанных с распространением

слова Божия. Библейское общество было внеконфессиональной организацией, где участвовали все. Члены Синода были отодвинуты от этого, а Библейское общество получило почти автокефалию, практически автономные права и покрыло своей сетью всю Россию, во всех губерниях были его отделения. Началось действительно нужное и хорошее дело — переводы Священного писания на языки народов России и распространение Библии. Но, к сожалению, в этом участвовала не только наша церковь, но и те, кто приехал с Запада — методисты, гернгутеры и т. п. Они вызывали раздражение у народа, но все это было более-менее терпимо до тех пор, пока Библейское общество переводило Библию на языки народов России. Когда же дело коснулось перевода на русский язык и распространения Библии для русского народа, немедленно возникла оппозиция среди по-настоящему духовно настроенных православных деятелей и священников. Этим воспользовались и разного рода «ревнители» — фанатики, лицемеры, которые не думали о настоящем образовании народа, а только жили благочестивыми словами. Пошли толки об опасности для православной веры от распространения в народе Писания на русском языке: видимо, боялись, не заменит ли Библейское общество нашу церковь. Говорили, что, поскольку это собрание всех христианских исповеданий, здесь вырабатывается какая-то всеобщая религия, которая предполагает заменить православие.

Особенно прославился своей борьбой против Библейского общества, а потом против митр. Филарета, известный фанатик архимандрит Фотий (Спасский). Он окончил Новгородскую семинарию, один год учился в петербургской Академии, потом получил покровительство графини Орловой. (Пушкин говорил о ней, что она — «благочестивая жена, душою Богу предана, а грешной плотию — архимандриту Фотию».) Фотий резко выступил, он написал императору и многим другим, что готовят какую-то библейскую религию, смесь вер, что православную веру устранили, что это есть отступление от веры Божией — апостольской, евангельской, православной. Что все это, собственно говоря, есть действие грядущего антихриста. Это еще не возмело бы своего действия, поскольку все понимали, что Фотий — лицемер и изувер, но он употребил самый действенный аргумент, который и сейчас может действовать: когда чего-то хочешь достигнуть, власти не надо приводить выпренные соображения, ссылаться на богословие, философию, а надо указать на политическую опасность, и это будет самый сильный аргумент. Пока

Фотий говорил, что это отступление от православия, и так дальше, Александр не особенно слушал, но когда он завопил, что это приближающаяся революция (а влияние радикальных революционных идей французской революции в России действительно стало распространяться), то это возымело действие.

Все это привело к закрытию Библейского общества в 1824 году. Закрыли и «сугубое министерство», а во главе просвещения стал бывший адмирал А.С. Шишков, ярый противник Библейского общества и переводов на русский язык. Он даже отрицал существование русского языка. Он говорил, что существует только один язык — славянский, а то, что называют русским, — это только язык простонародья, и перевод со славянского на русский — злейшая ересь. Он говорил, что есть два языка: язык веры — это славянский язык в церкви, и язык страстей, разврата — это язык театра, и простонародный русский язык — тоже язык страстей. Слово Божие по-русски, по его мнению, — это умышленное умаление священного достоинства слова Божия. Он даже говорил: ну как можно заменить слова, вышедшие непосредственно из уст Бога, — славянские слова? Это не анекдот, это есть в документах. При этом Шишков, по своим личным убеждениям был ультраправославный, искренний патриот, а по своим личным богословским убеждениям (есть доказательства!) он был склонен к социнианству, т. е. был антитринитарием. Он считал, что для России нужно православие традиционное: он сам в это православие не особенно верил, но считал, что нужно вот такое. И чтение священных книг, по его мнению, ведет к тому, чтобы истребить православие, возмутить Отечество, произвести междоусобия и бунты. Он писал, что Евангелие, должно находиться в церкви для вынесения к народу во время богослужения, а не в домашнем обиходе и не для того, чтобы читали верующие. Это будет унижительно для Священного писания, если оно будет дома, в семье, это уронит его важность и произведет только ересь и раскол. Неприлично таким молитвам, как «Верую» и «Отче наш», или заповедям Божиим — быть переложенными на простонародное наречие. Так в политике правительства и в церкви — уже при императоре Николае и митрополите Петербургском Серафиме (Глаголевском), при Шишкове, при обер-прокуроре Н.А. Протасове и еп. Афанасии (Дроздове), ректоре Петербургской духовной академии, — начался так называемый обратный ход. «Обратный ход» — тут думайте и про нынешнее время, в истории часто будет употребляться обратный ход. Во время «обратного хода» в

церкви сверху насаждались обскурантизм и охранительная схоластика — в богослужении, в духовном просвещении. «Тесное время в церкви и осада», по выражению митрополита Филарета, которому пришлось пережить это гонение на духовное просвещение, находясь в постоянном борении с воинствующим обскурантизмом мнимых ревнителей и с диктатурой во внутренней жизни церкви, основанной на обер-прокурорском всевластии.

Святитель Филарет служил духовному просвещению в смутное, тяжелое время, полное противоречий. Какие же заветы оставил святой отец нашему времени, страдающему от подобных, но еще более острых противоречий? Понять это нам поможет весь опыт его жизни и основная направленность его святительских поучений. В первую очередь, это касается очень актуального, и сейчас актуального, вопроса о свободе и независимости церкви в ее взаимоотношениях с государством и обществом. Святитель жил под сенью разрушительных для церкви последствий петровских реформ, когда глава государства, царь, официально назывался главой церкви, но государственная власть не ограничивалась областью церковного управления, она вмешивалась и во внутреннюю церковную жизнь и стремилась подчинить эту внутреннюю жизнь чиновникам. Направления в политике менялись. В эпоху Александра I и Священного Синода это было так называемое внутреннее христианство, и вместе с ним господство западного мистицизма и масонства в николаевскую эпоху это было «истинное древнее вероучение», определяемое чиновниками по случайным выступлениям ревнителей типа архимандрита Фотия. Политические и идеологические начала у государственной власти менялись, но смысл государственного притязания всегда оставался одним и тем же — и в те времена, и в советские, еще худшие. Оно начинает появляться и в настоящее время.

«Осада церкви», ее «вавилонское пленение», как говорили тогда, выражалось и в духовной ориентации тех, кто занимал в ней высокие посты. Упомянувшийся выше князь А.Н. Голицын, обер-прокурор Синода, масон и мистик, официально считался православным. Его преемник А.С. Шишков, как тоже уже говорилось, ультраправославный патриот, насадитель «истинного православия», по своему убеждению был антитринитарием. Одно время министром просвещения был князь К.А. Ливен, прибалтийский немец, который совершенно открыто был приверженцем секты моравских братьев и, будучи министром, слу-

жил литургии в этой секте. Обер-прокурор С.Д. Нечаев был известным московским масоном и очень определенным противником православных. Его преемник граф Н.А. Протасов, был воспитанником иезуитов (его гувернером был иезуит), и он окружил себя в Синоде и в своем управлении помощниками и советниками из Полоцкой иезуитской униатской коллегии. Его ближайший помощник К.С. Сербинович открыто проводил линию этой коллегии на латинизацию всей системы нашего духовного просвещения. И что совершенно логично, католические симпатии у Протасова, Сербиновича и других идеально согласовывались с их поддержкой ультрапатриотов, ультраправославных «ревнителей». Потому что они считали, что эти люди делают полезное, когда выступают против митр. Филарета и против настоящего православного просвещения. Протасов и Сербинович, как иронически говорил свт. Филарет, давно внесли его в списки упорных лютеран, он всегда был у них под подозрением, хотя они все же не оставляли надежды использовать его в своих целях.

Общее впечатление у святителя от этого времени и от этих ревнителей хода вспять было самое мрачное.

Тесное время, время, которое заставляет зорко смотреть за каждым шагом. Не тени ли это бродят и кружатся вокруг!.. [Цит. по: 2, с. 217].

Тогда эти «тени» бродили и кружили вокруг, и сейчас тоже. Святитель Филарет прямо и откровенно говорит о гонениях:

Ныне выискивают грехи наши, чтобы ради их забирать дело правления в свои руки и Церковь сделать ареною честолюбивых подвигов.

Церковь в осаде, — таково впечатление Филарета.

На вид кажется, что хлопочут о делах веры, о деле православия; даже только и слов с человеком незнакомым, чужим, что православие и вера; а все это на языке сердца означает: наше дело политика, все прочее дело стороннее... Как странно жить среди таких людей. Боишься и страшишься за свою душу, не унесли бы и ее бури помышлений в погибельную пропасть суеты земной. Ныне и завтра, сейчас и в следующий час об одном заставляют думать: то думать о том, как бы не запутали тебя в какую-либо интригу, то судить и даже осуждать интриганов, ставящих веру и святыню на какую-нибудь ленту, а часто и на улыбку знати высшей... [Там же, с. 217].

Сквозь суету и смуту событий святитель видел и угадывал грозные знамения надлежащего и праведного прещения Божия. «Наступают лукавые и судные дни», — говорил он. Он пророчески предостерегал:

Кажется, уже и мы живем в предместьях Вавилона, если не в нем самом... Прискорбна душа моя, мне кажется, что суд начинающийся от дома Божия, более и более открывается... Как густо идет дым из студенца бездны, и как высоко поднимается, —

это прямое указание святителя на наше апокалиптическое будущее [3, с. 7]. Последние слова взяты из Откр 9:1–2. Там сказано: «Пятый ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя (по-славянски “студенца”) бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи, и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя». И мы подобное пережили — это не свт. Филарет говорит, это я говорю. Святитель видел исход во всеобщем покаянии за многие, особенно за последние годы. Он говорил про свое время и с горечью сознавался, что количество прегрешений, накопленных не одним уже веком, а всей нашей историей, едва ли не превышает силы и средства их исправления. Для подлинного исправления, прежде всего, нужен внутренний творческий подъем, собирание и обновление духовных сил, нужно усиление творческой активности, укрепление и усиление церковной и пастырской свободы. В противовес государственному наступлению свт. Филарет думал о восстановлении живого единства поместного епископата, осуществляемого постоянным совещательным общением сопастырей и епископов и закрепляемого во временных малых съездах, малыми соборами, пока не наступит нормальное время для функционирования настоящего, постоянного соборования, поместного собора. В 1917–1918 гг. этот процесс начался, но поздно, собор фактически разогнали.

В петровские времена пастырская и просветительская деятельность церкви была скована не только внешними «программными» ограничениями, но и внутренним бессилием духовенства, искусственно превращенного государственной властью в замкнутое сословие, насмерть запуганное, социальное низкое и презируемое. Этот страх и запуганность до сих пор в наших душах, усиленные в тысячу раз за советское время. В таких условиях вполне понятно и естественно творческое бессилие духовенства в деле

духовного просвещения вверенного его пастырскому попечению народа. И святитель считал необходимым требовать от пастырей церкви духовного, христианского просвещения народа, но основанного на настоящем богословии. Необходимость разумного понимания веры всегда им утверждалась.

Святителю не удалось систематически изложить свои взгляды на отношение церкви и государства, на соборное начало в церкви, на богословское и духовное образование. То, что он писал, — это только «Записки» на книгу Бытия, «Начертание церковно-библейской истории» (они утратили свое значение), «Разговоры между испытываемым и уверенным в православии Восточной греко-российской церкви» и, наконец, его знаменитый «Катехизис». Но все это было богословствованием от случая к случаю, в основном с церковного амвона и в многочисленных письмах, резолюциях, мнениях. Основное издание его проповедей — 5 томов, собрание мнений и отзывов по учебным, церковным и государственным вопросам — 6 томов, полное собрание резолюций — 3 тома все это издано. Отдельно издано собрание мнений и отзывов по делам Восточной православной церкви и отдельно — мнения, отзывы и письма по разным вопросам. Есть и много других подобного рода изданий материалов митрополита Филарета.

У святителя Филарета мы не найдем связанной, целостной и разработанной системы богословия и христианского просвещения, так как в своей деятельности он всю жизнь был прежде всего епископом и богословствовал скорее по случаю, по поводу. Но из оставленного им огромного, богатейшего материала, из его мыслей и поучений видно, что у него была целостная и ясная система богословских убеждений и размышлений, сконцентрированная вокруг трех основных идей, знаменующих богословское и святоотеческое дело его жизни и учения. Первое — это пафос защиты и утверждения богословской свободы творчества. Второе — это переход в богословии и в духовном просвещении на русский склад и язык; по тому времени это был трудный и важный шаг. И третье — богословствование по первоисточникам, прежде всего, на библейских основаниях и в духе древних святых отцов. В свое время он был зачинателем и самым ярким выразителем этого богословствования, а после него последователями в этом деле были все наиболее знаменитые русские богословы второй половины XIX и начала XX века, до революции. И сейчас наше богословие должно жить этим.

Митрополит Филарет в деле духовного просвещения в церкви настоятельно подчеркивал необходимость богословствования как обязательной и неотъемлемой части в составе христианского просвещения и в системе целостной духовной жизни. «Христианство не есть юродство или невежество, но Премудрость Божия», — постоянно напоминал он [2, с. 172]. Верующий христианин не должен и не смеет оставаться при одних только начатках, элементах Христова учения. Только в постижении и разумении истины складывается и образуется совершенный Божий человек. «Богословие рассуждает», — это любимое выражение святителя Филарета. Он говорил, что заповедь рассуждения, заповедь богомыслия дана не многим, это дано всем. Он постоянно призывал к тому, «чтобы никакую, даже в тайне сокровенную премудрость не почитали мы для нас чуждою и до нас не принадлежавшею, но со смирением устремляли ум свой к божественному созерцанию» [4, с. 148]. Богословие не может и не должно быть только школьным предметом или дисциплиной, но живым делом. Недостаточно иметь и хранить веру, вера должна стать живым началом и средоточием жизни. И потому в своем «Катехизисе» в качестве начального огласительного поучения святитель обращал к каждому, именно к каждому, краткую, сжатую систему богословия, причем не для запоминания, зазубривания, а для усвоения ее испытующей мыслью и душой. Митр. Филарет стремился сделать богословие и христианское просвещение общедоступным, понятным и действенным в жизни русского народа и русского общества. В этом основной смысл его борьбы за русский язык в переводах Слова Божьего, в богословии, в преподавании и во всей системе христианского просвещения. Он ясно сознавал апостольскую и миссионерскую ответственность церкви за удовлетворение религиозных запросов и потребностей русского народа и его жажды духовного наставления, обучения, христианского просвещения. Он остро чувствовал потребность народа в живом и действенном воцерковлении русской культуры и всех творческих аспектов общественной жизни того времени. Он понимал, что этого нельзя достичь обличительством, анафемой, запретительными мерами и охранительными страхами. Святитель считал, что для этого нужно пастырское вразумление, научение, проникнутое духом любви, наполненное положительным учительством. Поэтому с таким вдохновением он принимал участие в работе Библейского общества по переводам и распространению Священного писания на языках, доступных и понятных народам России, осо-

бенно же в распространении Слова Божьего по-русски. Он скорбел, что это надо делать с помощью иностранцев. Он считал, что это должна делать сама наша церковь, что это наша обязанность. Это и сейчас наша обязанность, а иначе — тьма-тьмущая иностранцев сюда придет и сделает это дело за нас, но против нас. Митр. Филарет прямо и открыто защищал библейское дело и доказывал, «что самое желание читать Священные книги есть уже залог нравственного улучшения» (цит. по: [2, с. 171]). На вопросы «ревнителей», для чего нужно сие новое заведение в деле столь древнем и не подлежащем изменению, как христианская Библия, святитель отвечал:

Для чего сие новое заведение? Но что здесь нового? Догматы, правила жизни? Но Библейское общество не проповедует никаких, а дает в руки желающим книгу, из которой всегда истинной церковью были почерпаемы, ныне почерпаются и православные догматы и чистые правила жизни. Это, говорят, новое какое-то общество. Новое общество? Но сие не вносит никакой новости в христианство, не производит ни малейшего изменения в церкви». «Спросят, — он говорит, — для чего сие заведение иностранного происхождения?.. В ответ... можно было бы указать любезным соотечественникам на многие вещи, с таким же вопросом: для чего они у нас не токмо иностранного происхождения, но и совершенно иностранные». [См. там же, с. 171].

Святитель знал, что за библейское дело должна взяться сама православная церковь, и самоотверженно боролся с «обратным ходом», с реакционным запретительством, охранительством и с разного рода страхами тогдашних мнимых ревнителей, которые, как он говорил, «тамо убояшася страха, идеже не бе страх», и требовали запретить русский язык в переводах Слова Божия, и даже запретить мирянам читать Библию, говоря, что «от чтения сей священной книги люди с ума сходят». Тогдашнее военное управление запретило кадетам читать Священное писание по-русски на том основании, что, якобы, двое из них от этого сошли с ума. Говорили, что Священное писание «только для церкви потребно и для попов одних годно». Некоторые ревнители шли еще дальше и утверждали, как еп. Афанасий (Дроздов), ректор Петербургской духовной академии, необычайный обскурант, что для него существует только «Исповедание» Петра Могилы (начала XVII века, с католическим влиянием) и Кормчая — и больше ничего не надо, ибо — дальше его подлинные слова — «со Словом Божи-

им еще не спасешься, а с церковными книгами спасешься». Митр. Филарет говорил о нем, что еп. Афанасий «веровал в церковные книги более, нежели в Слово Божие».

Знаменитый богослов, историк церкви, патролог, архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) писал о ревнителях типа еп. Афанасия и архим. Фотия: «Такой человек будет жечь людей на костре и, однако, будет оставаться в полной уверенности, что делает все это на пользу церкви». Этот же еп. Афанасий утверждал, что все русские богословы до него были неправославными, и сейчас богословы неправославные. Такой всеобщей атмосферой обличительства, запретительства и подозрения учителя в духовных школах, семинариях, академиях были так напуганы, что молчали, будучи неуверенными в себе и в своем будущем. Современники этого наступления неистовых ревнителей на всякое отклонение от уставного благочестия в области богословской мысли и толкования Слова Божьего свидетельствовали, что из страха быть обвиненными в разного рода мистических, еретических увлечениях и заблуждениях, стали избегать и Макария Египетского, и Исаака Сирина. Умная сердечная молитва была уничтожена и осмеяна как зараза и пагуба. Святителю Филарету пришлось даже доказывать, что позволительно писать новое толкование на послания апостола Павла, несмотря на то, что на них уже давно написал свое объяснение Иоанн Златоуст. Святитель комментировал это довольно едко:

Дым ест глаза, а они говорят: так едок солнечный свет! Задыхаются от дыма и с трудом выговаривают: как вредна вода от источника жизни! (т. е. от Священного писания — В.Б.) [2, с. 171].

Это был дух пугливого и молчаливого неделания, страх, что богословствование и толкование Священного писания на русском языке привлечет внимание непросвещенных простых людей к вопросам веры и приведет к неосновательным толкованиям, толкам и загадкам. Размышляя о пагубных последствиях для нашей церкви и для России таких запретительных и охранительных мер, знаменитый наш поэт Жуковский, хорошо знавший и понимавший суть всего происходившего у него на глазах, писал своему духовнику, веймарскому протоиерею Иоанну Базарову: «В Германии от самотолкования произошло безверие. У нас от нетолкования происходит мертвая вера. Почти то же самое, что без веры». И далее: «И едва ли мертвая вера не хуже самого безве-

рия. Безверие есть бешеный живой враг, он дерется, но его можно одолеть и победить убеждениями. Мертвая вера есть труп, что можно сделать из трупа?»).

За свою стойкую преданность делу христианского просвещения нашего народа и непрерывные усилия, направленные на то, чтобы сделать Священное писание доступным и понятным для всех с распространением библейских книг Ветхого и Нового завета в переводах на языки всех народов России, особенно же на русский язык, с толкованиями святых отцов, — за все это святитель Филарет был постоянно на подозрении у властей и у ревнителей «обратного хода». Одно время его хотели удалить на Кавказ. Его «Катехизис» был запрещен за то, что «Верую...», «Отче наш», заповеди блаженства были там на русском языке, а не по-славянски — это ведь рассматривалось тогда как орудие революционных замыслов. Как же дерзнуть на перемену слов, «почитаемых исходящими из Уст Божиих»! И это несмотря на то, что «Катехизис» Филарета был утвержден Святейшим синодом — на самом высоком уровне.

Архим. Фотий громогласно называл «Катехизис» Филарета «канавною водою», то есть сточною водою, куда сбрасываются фекальные отходы. Он обвинил Филарета в якобинстве, ибо, по словам Фотия, Филарет «действовал на перевод Библий с таким намерением, чтобы скорее дать новый вид Слову Божию, спешествовать тем неверию, нововведениям и всем церковным соблазнам» [3, с. 23]. Своим «Катехизисом» и русским переводом Филарет «подвизался за богоборное сонмище». Сила этого «болезненного и вредного» дела библейского перевода была такова, что «догматы церковного учения явно ниспровергала или сомнение давала на истину православного учения и предания» [там же].

Шишков, Фотий и прочие ревнители добились своего. Как свидетельствует киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), на русские переводы Ветхого завета, особенно на Пятикнижие Моисеево, было воздвигнуто гонение под предлогом того, что как бы простой народ не соблазнился этим на совращение в ветхозаветные обрядовые законы, «на впадение в молоканство и в жидовство». Это обвинение выдвинул известный реакционер М.Л. Магницкий. Власти вследствие этого опасения «нашли нужным предать огню на кирпичных заводах несколько тысяч экземпляров пяти книг славного пророка Моисея, переведенных на русское наречие в Санкт-Петербургской духовной академии и напечатан-

ных». Добились ревнители «обратного хода» и высочайшего появления — царского «Указа об охранении книг Священного писания в настоящем их виде неприкосновенными», т. е. о том, что их нельзя переводить.

Это высочайшее повеление и запрещение его «Катехизиса» из-за русского текста молитв вызвало откровенное негодование свт. Филарета. Он говорил:

Так дела вести нельзя и опасно. Я страшусь за последствия подобных действий, которых не желалось бы и от которых избавить силен всеконечно Един токмо верховный Кормчий Своей Святой Церкви — Господь Иисус Христос [3, с. 29].

На запрещение «Катехизиса», утвержденного Святейшим синодом, свт. Филарет отозвался резко и прямо.

Не знаю, о чем идет дело, но не представляется иной догадки, как что дело идет о православии. Непонятно, кем, и как, и почему приведено ныне в сомнение дело, столь чисто и совершенно утвержденное всем, что есть священного на земле. Не великая была бы забота, если бы сомнение угрожало только личности человека, бывшего орудием сего дела; но не угрожает ли оно иерархии? Не угрожает ли церкви? Если сомнительно православие «Катехизиса», столь торжественно утвержденного Святейшим синодом, то не сомнительно ли будет православие самого Святейшего синода? Допущение сего сомнения не потрясет ли иерархии до основания, не возмутит ли мира Церкви? Не произведет ли тяжкого церковного соблазна? [3, с. 25].

«Не велика была бы забота, — говорит он о себе, — если бы сомнение угрожало только личности одного человека» — его самого, бывшего орудием всего дела, но не угрожает ли это иерархии, не угрожает ли церкви?

После этих процессов святителя Филарета уже не вызывали для присутствия в Синоде, он вернулся в Москву. В Москве он жил в опале. При отсылке оставленных им в Петербурге вещей, было сделано, как он сам выражается, «тайное изыскание» (обыск) — не заперты ли в сундуках ереси. Однако его правое дело победило, «Катехизис» был снова разрешен и стал классической и совершенно официальной книгой нашей церкви для наставления в православной вере, являясь таковой и по сей день. В 1858 г. состоялось синодальное определение и было дано высочайшее повеление — указ императора о русском переводе Библии. В 1862

году вышел Новый завет, а Ветхий завет — в 1868 году, уже после кончины великого святителя.

Теперь то, что я скажу, будет относиться ко всем нам, ко всей нашей церкви, но особенно ко всем вам, здесь сидящим. Святителю приходилось часто, как выразился о нем А.С. Хомяков, «управлять окольными путями», чтобы не подавать лишнего повода к нападению. А дальше его слова: «чтобы не подстергли и не нанесли нечаянного удара». Святитель сам говорил своим ученикам и последователям о необходимости осторожности и сдержанности в словах и заявлениях. Он говорил: «Жаль, если те, на которых ищут случая напасть, сами подают случай и повод к нападению». И святитель был очень осторожен, сдержан, никогда не говорил так, как я, спонтанно, всегда читал по написанному.

А теперь — самое важное для всех нас, и для вас особенно. Я прочитаю вам заветы святителя, высказанные им в его слове к Обществу любителей духовного просвещения. Это было в 1862, 1863, 1864 годах, когда он жил в Москве в опале. Любители духовного просвещения обратились к нему с письмом за советом и с просьбой стать членом их Общества. Филарет написал им. А сейчас он говорит это вам — святитель, отец церкви. Именно вам, и всей нашей церкви, всем тем, кто будет участвовать в деле духовного христианского просвещения нашего народа.

Приветствую, отцы и братья, ваш новый добровольный союз, в который собрала и соединила вас любовь к духовному просвещению, заключающая в себе любовь к Богу, к вере, к благочестию, к православной Церкви, любовь к вашим братьям, также сознающим нужду и питающим желание углубить и расширить свои духовные понятия, но не имеющим для того средств и пособий, — наконец, вообще, любовь к чадам церкви и желание оказать духовную помощь людям, при некоторой теплоте веры нуждающимся в чистом свете истины, или преследующим призраки истины и мечты, благополучия, но лишенным или самих себя лишаящим жизни по вере и надежды блаженства (это он имел в виду то, что у нас сейчас, — нынешнее наше общество, над которым мы обязаны трудиться. — В.Б.).

Не сомневаюсь, что так понимаете вы настоящий союз ваш и в сем значении с надеждой призываю ему благословение Отца Светов.

Вспомним некоторые черты, которыми духовное просвещение или, что то же, духовную мудрость, изображает апостольское слово: «Яже свыше мудрость, первее убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива (Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна,

послушлива)» (Иак 3:17). Не подумаем, что это выше настоящего вашего предприятия, потому что апостол говорит о премудрости свыше. «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца Светов» (Иак 1:17). Не только совершенную «Господь дает премудрость», но и в малом начатке «от лица Его познание и разум» (Притч 2:6). Итак, трудящиеся в пользу истинного просвещения должны иметь в виду и в соображении черты, отличающие истинную мудрость, дабы произведение труда их не оказалось обезображенным и дабы вместо истинной мудрости не явилось у них ложное мудрование.

Мудрость христианская должна быть чиста, — чиста по ее источнику, по ее побуждениям и цели. Ее чистый источник есть Бог — Его Слово, заключенное в священных писаниях, уясненное церковными определениями, учением и духовными опытами богомудрых мужей. Ее чистая цель также есть Бог — Его познание во Христе и Ему благоугождение блаженнотворное. Деятельное нужно внимание для охранения сей чистоты от нечистых влияний не смиренного разума, который сам хочет быть источником истины; который не признает своих пределов пред бесконечным и непостижимым; который, истину вечную находя старой, имея побуждением любопытство и целью тщеславие, без разбора гоняется за новым и как руководителю началу следует духу времени, хотя бы это было время предпотопное; который, ленясь потрудиться, чтобы вникнуть в истинную область духа, погружается в вещество и здесь погрязает.

Мудрость христианская мирна, и подвизающийся для нее должен быть мирен. Он должен быть мирен в себе, не взволнован страстями. Только в тихой, а не волнуемой воде отражается образ солнца; только в тихой, не волнуемой страстями душе может отразиться высший свет духовной истины. Мирным нужно быть любителю мудрости и в отношении к другим, «не словопретися, — как учит апостол, — ни на кую же потребу, на разорения слышащих» (2 Тим 2:14), и если нужно стать за истину против нападающих на нее, должно делать это со спокойной твердостью, без раздражения, так, чтобы можно было потом сказать себе по совести: «с ненавидящими мира бех мирен» (Пс 119:6).

Мудрость христианская кротка. О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напомнить имеющим притязание на просвещение или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят, для исправления (как теперь. — В.Б.). Но мы видим, как порицание сражается с порицанием удвоенными и утроенными нападениями, и ни одна сторона не обещает исправиться. А что, в самом деле, должно произойти, если все будет обременено и все будут обременены порицаниями? Естественно, уменьшение ко всему и ко

всем уважения, доверия, надежды. Итак, созидает ли дух порицания или разрушает?

Летят с разных сторон стрелы порицания и на наше звание. Примем их «броней правды» (Еф 6:14) и постараемся отвечать на справедливые порицания, по возможности, исправлением, на несправедливые — терпением. Прискорбно, что даже внутри нашего стана явились «господие стреляний» (Быт 49:23) (это воинствующие друг с другом полемисты. — В.Б.), которые иногда против братьев своих «наляцают» лук, в повременных изданиях и в книгах. Вы, братья, не допускаете и не допустите подобного. Не забудете слов Премудрого: «кроткий муж сердцу врач» (Притч 14:30), так как и напротив, жестокое слово не врачует, а прилагает к болезни болезнь.

Мудрость христианская благопокорлива. Она проповедует и дарует свободу, но с тем вместе учит «повиноваться всякому начальству Господа ради» (1 Пет 2:13). Нынешнее мудрование много разглагольствует о свободе, но нередко забывает о повиновении Господа ради и производит непокорливость. Ревнителю истинного просвещения должны поднимать дух народа из рабской низости и духовного оцепенения к свободному раскрытию его способностей и сил, но в то же время утверждать его в повиновении законам и властям, от Бога поставленным, и охранять от своеволия, которое есть сумашествие свободы» [4, с. 557–559].

Дорогие мои братья и сестры, это особенно важно сейчас для всей нашей церкви, независимо от всяких различных мнений, расхождений внутри нее. Со всех сторон нас обступили. Пред нами стоят величайшие задачи. Мы не подготовлены, слабы, но мы должны справляться с этими задачами просвещения. И если мы начнем воевать друг с другом, то победителем будут другие. Нам надо всем объединиться вокруг церкви, вокруг Святейшего патриарха, вокруг нашего Синода, епископов. Мы все должны объединиться и делом доказывать пользу нашего просвещения, а не быть во взаимной вражде. И не давать повода, как говорил сейчас святитель, тем, кто ищет повода. В одной из газет я сейчас читал замечательное — вы меня простите за это глупое лирическое отступление — изречение, там шла речь о полемиках, о несогласиях нынешних. Так там один остроумец сказал: сейчас положение такое, что всякий еретик — тот, кого я хочу сжечь.

Святитель говорит: «Вот мысли, которые встретились мне при вашем, братья и сестры, вступлении на новое поприще деятельности, близ которого и меня поставили вы вашим избранием.

Что скажу в ответ на сие избрание? Уже не время мне обещать вам удовлетворительную в отношении к вашему обществу дея-

тельность, и потому, может быть, справедливо было бы отказаться от вашего избрания. Однако не отказываюсь, потому, что не могу по сердцу оставаться в отношении к вам чуждым. По мере сил и возможностей будем пещись об общем деле и друг о друге» [4, с. 559–560].

Это сказал святитель Филарет нам всем.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 1997. с. 3–220.
2. Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Париж, 1983.
3. Флоровский Георгий, прот. Филарет, митрополит Московский // Путь. № 12. Август. 1928. С. 3–31.
4. Филарет [Дроздов], митр. Ответ Обществу любителей духовного просвещения, на избрание попечителем онаго // Его же. Слова и речи. Т. 5. М., 1882.